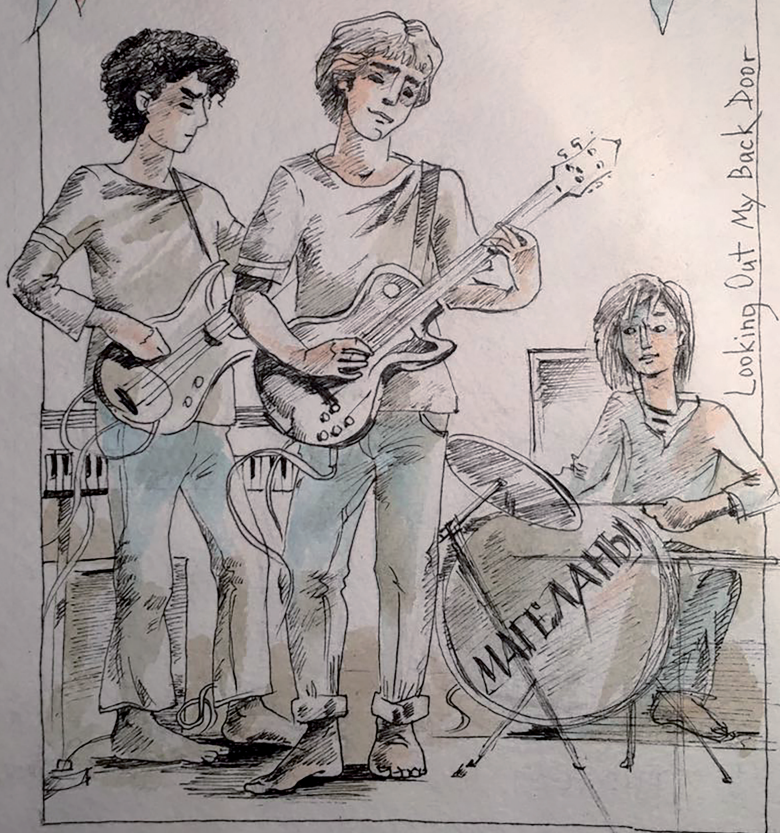

Киноконцертный зал

Лесная музыка

Looking Out My Back Door

МАТЕЛАНЬ

А ДАЛЕКО ЛИ ДО АМЕРИКИ?

Во второй половине семидесятых невероятно популярными были вокально-инструментальные ансамбли. Конечно, тон задавали зарубежные группы, и в первую очередь, “The Beatles”. У кого только не было открыток, картинок из журналов с фотографиями легендарной ливерпульской четверки. Джон, Джордж, Ринго и Пол – модные прически, электрические гитары «Рейкенбекер», барабаны «Людвиг». Даже басс- гитара леворукого Пола немецкой фирмы «Хохнер» - все это было предметом обожания, преклонения и подражания.

Другое дело, что информацию об этом достать было, ой, как непросто. У кого-то родители съездили за рубеж по работе и привезли журнальчик, у кого пластинку, у кого маечку. Во Дворце культуры МАИ по выходным крутили фильм с их концертом - так пробиться было крайне сложно!

Советская промышленность для записи музыки выпускала бытовые катушечные магнитофоны – Комета, Астра, Маяк, Юпитер. Пределом мечтаний же был двухмоторный Тембр – огромный и тяжеленный, но зато неубиваемый и надежный.

Понятное дело, что все мальчишки или учились играть на гитаре, или пытались делать электро-гитары. Мебельная фабрика на «птичке» была любимым местом, где можно было выпросить брусок красного или букового дерева на гриф, тополь или клен на корпус.

Телефонные автоматы, за 2 копейки соединявшие с требуемым абонентом, сиротливо стояли с оборванны-

ми трубками, из которых выковыривали катушки для звукоснимателей.

Во дворах вполне габаритные недоросли краской из баллончика наводили красоту на отшлифованные поверхности гитары, тщательно прокрашивая корпус, гриф и изогнутое перо с отверстиями для колков, и бережно прикрывая свое творение от ветра и пыли.

Я тоже прошел этот период, но это было позднее, а пока к нам в лагерь приехал вокально – инструментальный ансамбль «Магелланы» из родного НИИ ТП.

Большинство ребят было из нашего или соседнего двора. Почти все учились в нашей школе, а некоторые еще недавно ездили в наш пионерский лагерь. Но вот, пришло время, и все они пошли работать в НИИ ТП. А там! Станки, какие хочешь! Провода хоть для звукоснимателей, хоть для подключения к усилку! Радиодеталей море! Свалка полна материалов – от оргстекла и бронзы, до титана и нержавеющейки!

Понятное дело, инициативные молодые специалисты при поддержке комитета комсомола за год сделали всю аппаратуру от микрофонных стоек до акустических систем своими руками. Как сказал один мой знакомый: «Знали бы мы тогда, из чего сделаны и сколько стоят эти микрофонные стойки, вопрос пенсионного обеспечения для нас уже был бы закрыт!»

И все это добро хранилось в 9 корпусе в комнате, которая называлась оркестровка. Там стояло раздолбанное пианино, по стенам висели геликоны и тубы духового оркестра.

Периодически туда заглядывали ветераны музыкального фронта, и, разложив на газетке нехитрую снедь, рассуждали, что в их время никакого электричества не надо было, все выдувалось и выбивалось собственными силами.

Дешевый портвейн развязывал рты, и на молодых

музыкантов обрушивались истории из жизни старшего поколения. Короче говоря, репетиции на сухую не начинались.

Тем не менее, ВИА «Магелланы», как именовался молодежный коллектив, периодически выступала на молодежных вечерах, танцах, в родной школе.

А тут комитет комсомола попросил их выступить в пионерском лагере, через который они тоже прошли. Понятное дело, от работы ни кто не освобождал – все приятное во внерабочее время, то есть в выходные.

Всю аппаратуру погрузили на автомобиль и отправили в лагерь еще с утра, а музыканты, как водится, отработав трудовой день, должны были подъехать вечером на электричке. Естественно, персональные инструменты, то есть гитары, каждый вез с собой. Как говорили музыканты того времени: «Легче жену отдать в наем, чем гитару!»

И вот по вечернему холодку пятеро молодых людей выгрузились на станции Садовая. Фирменные американские джинсы “Lee”, “Wrangler”, которые по тем временам стоили у фарцовщиков две месячных зарплаты. Кроссовочки с нуля – белые с косыми темными полосами и трелистником. Батники на кнопках. В наплечных сумках весело звякала веселящая жидкость в стеклянных темных бутылках. И, в довершение ко всему, гитары в бархатных чехлах.

У чем не битлы в российском исполнении?

- Я знаю дорогу! – сказал Игорец, стройный парень с курчавой брюнетистой головой. Он играл на соло гитаре, поэтому и в коллективе его чаще всего звали просто «Соляк». За ним закрепился авторитет человека разносторонне развитого, эрудированного, к тому же отличающего ноту «до» от ноты «фа». А быстрота его работы медиатором, целлулоидным сердечком для извлечения звуков из гитары, вообще потрясала. Но

даже он сознавался, что сыграть 1/32 долю физически не возможно.

- За мной, «Магелланы»! - и он уверенно ступил на лесную тропу.

«Магелланы» было одно из первых названий коллектива. Потом оно несколько раз менялось. Дольше всего продержались «Отражение», и, вот теперь, «Падение вверх».

Соляк был лидером, и не только как музыкант, но и просто среди членов коллектива. Только он в те советские годы знал, что такое бизнес, только он мог форцануть фирменными джинсами, магнитофонами и представлял себе, как выглядят настоящие доллары. И он же знал, чем гитара «Джипсон» отличается от «Фендера».

Короче, флагман неся под всеми парусами в сторону пионерского лагеря «Звездочка», где еще два года назад он гордо вышагивал на линейку в пионерском галстуке, и где старший вожатый Юра уже ждал их прибытия.

Палило еще неостывшее вечернее солнце, отказываясь уходить за горизонт. Тяжелые сумки резали плечи.

Легкая разминка, которую удалось провести в электричке, показала, что «Белое крепкое» все же лучше на вкус, чем портвейн «Кавказ», однако на свежем воздухе восприятие могло кардинально поменяться.

- Стой! Раз-два! – и Соляк остановился на полянке в 100 метрах от станции.

- Предлагаю еще одну единицу боезапаса употребить, так сказать «за проезд»! – и он снял сумку с плеча. Остальные также положили на зеленую травку свою ношу и образовали кружок.

Достав фирменный брелок всех мужчин института – титановый разборный штопор, он протянул его ба-

рабанщику – рослому молодцу с белокурыми прямыми волосами, напоминающего викинга.

- Открывай, Володь! – и он передал ему здоровенную бутыль, напоминающую шампанское, на темной этикетке которой ярко выделялась надпись «Кавказ».

Немногословный барабанщик играючи разминировал емкость, хлопнула выдернутая пробка, и бутыль пошла по кругу.

- Хорошо, но мало! – резюмировал Соляк, откладывая пустую тару – Секс, наркотики, рок-н-ролл! Гитары с нами, секс – думаю к концу пути уже будет не нужен. А наркотики по доброй кавказской традиции мы заменим. А, давай еще одну!

Процесс повторился, не отличаясь в мелочах. На душе стало веселее, а вот идти по жаркому солнцу стало труднее. Благо оно уже совсем потеряло свою силу, и, подсветив цветами фламинго звонкую голубизну неба, пообещав на завтрашний день хорошую погоду, скрылось за горизонтом.

Молодым, упругим, но не очень уверенным шагом наши герои добрались до Можайского шоссе. Справа от тропинки стоял крайний дом с развевающимися простынями, на которых чернело клеймо «Пионерский лагерь «Звездочка».

- Ого! Наши уже здесь! Значит, идем правильным путем! Еще один переход и Америка! – бодро воскликнул Игорь, подходя к колодцу, на крышке которого красовались могучие петли и амбарный замок. Впрочем, замок был закрыт, захватив только одну петлю, так что можно было без труда напиться живительной холодной влагой.

Колодец в деревне – это маленькое чудо, порождающее жизнь. Казалось бы, несколько венцов дерева ограждающих глубокое отверстие в земле, на

дне которого темным пятном манит своей прохладой линза воды. Громыхая цепью на металлическом венте, в темноту колодца устремляется погнутое жестяное ведро, на ручку которого насажены тяжелые амбарные замки, какие-то гайки и грузы – все с целью обеспечить скорейшее затопление ведра, а точнее, его наполнение водой. Обычное дело, когда ведро касается поверхности воды и начинает плавать, осознавая свои мореходные качества и уподобляясь Титанику. Можно долго дергать за цепь, пытаясь перевернуть его, стараясь зацепить краем за манящую гладь. Что бы избежать ненужных действий русский мужик навесил на ручку ведра замок, и проблема решена. Ведро само начинает черпать одним краем, где навешен замок, а потом, хлебнув напоследок от души, устремляется под воду. Вот тут-то и надо его поднимать вверх! Скрипучий ворот над срубом колодца медленно и тяжело отсчитывает каждый оборот металлической ручки пока жестяное ведро металлическим блеском и запотевшими краями не порадует истомившегося жаждой путника живительной прохладой колодезной воды. Но, осторожней! Можно и простудиться! Вода приятна, но коварна! Поэтому пить ее надо медленно, маленькими глотками, успевая погонять между зубами и по иссохшемуся небу.

Местные деревенские жители не одобряют, когда в их колодец лезут случайные прохожие. В некоторых деревнях на колодцы вешают замки, но в большинстве случаев чувство человеческого сострадания одерживает верх, и замки снимают.

С этим колодцем было приключение, когда вожаки из «Звездочки» возвращались также вечером из Москвы на электричке. Имея на борту фирменный напиток ракетчиков – чистый спирт, они решали, в чем

бы и чем бы его развести до приемлемого питейного состояния. Добравшись до колодца, они не придумали ни чего лучшего, чем набрать воды в ведро и налить туда спирта. Проходящий мимо местный житель дядя Паша, подвизавшийся в «Звездочке» плотником и сторожем, увидев своих, подошел поздороваться. Заприметив, что отпив из ведра, народ занюхивает рукавом, он поинтересовался, в чем дело?

- Да вот, дядь Паш, зашли попить, а тут водка пошла из колодца. Ни как не можем отойти! – пошутил один из вожатых.

- Как водка? – искренне изумился мужик – Тут водки в колодце отродясь не было!

- А ты сам попробуй! – сказал вожатый и протянул ему ведро.

С недоверием прижав цинк ведра своими крестьянскими узловатыми пальцами, дядя Паша приложился к краю.

Его ноздри тотчас ощутили знакомый запах, колыхавшийся на поверхности прозрачной жидкости в ведре. Не веря своему обонянию, дядя Паша попробовал жидкость на вкус. Обжигающий, слегка иссушающий слизистую оболочку полости рта вкус крепкой водки развеял последние сомнения.

- Эх, мать твою! Водка! – с восторгом и удивлением выдохнул мужик.

- Это ж как же, вот так зачерпнули и нате? – продолжал он выражать свой восторг.

- Ну, да! Зачерпнули, а там она, родимая! Ну, ладно, мы пошли, а ты на всякий случай замочек-то навесь! Небось, самому пригодится! – снова пошутил вожатый. И они, допив остатки, пошли по тропинке в сторону Минки.

Говорят, что прибежав в дом, дядя Паша закричал на жену Тамару Прокофьевну:

- Что стоишь? Ставь закуску на стол, вечерять будем! – и побежал вон, по одному ему ведомым делам.

Через десять минут, когда на столе дымилась картошка, стояла миска с солеными огурчиками, крупными кусочками порезано сало и выложен каравай утром испеченного хлеба, в дом ввалился дядя Паша, держа в руках ведро с прозрачной жидкостью.

- Ну, все, замок повесил, ведро набрал – можно вечерять – подвел он итог и поставил ведро на стол.

- Да ты, что? Очумел, что ли совсем? Чего это ты ведро, да на скатерть ставишь? Бутылку бы принес что ли? – не могла скрыть своего разочарования строгая супруга. Она была раза в три больше дяди Паши, отличалась суровым нравом и тяжелой рукой.

Проворно подхватив ведро, дядя Паша лихо наполнил два стакана, и, довольный собою, сел за стол.

- Ну, мать, давай выпьем за неиссякаемый источник в нашем дворе! – и он поднял стакан.

- Да не буду пить я твою воду! – заголосила Тамара Прокофьевна.

- Так я тебе воды и не даю, водка это! Вон, из «Звездочки» мимо шли, черпанули, а там она – водовка! – и он настойчиво протянул стакан жене. – Пей, не бойсь! – хорохорился дядя Паша – Сам проверял!

И он залпом осушил свой стакан.

Не заставив себя ждать, опорожнила стакан и Тамара Прокофьевна.

В доме повисла тишина. Отчетливо и недобро тикали ходики.

Дядя Паша, выпивший за свою жизнь великое множество всяческих напитков, не то что бы потерял нюх и вкус, просто эти чувства как-то притупились в его организме, тем более, если дело касалось выпивки. Вот и сейчас, ощущение выпитого четко отпечаталось в мозгу, но вот ощущения алкоголя почему-то не было. В который

раз, он вновь и вновь прогонял через мозг данные рецептов, и всякий раз тот выдавал результат анализа – вода!

- Ну, что буркалы-то закатил? Градусы считаешь? – услышал он над ухом. – А не считай, нет их там! Развели тебя, как простачка развели! – и она придвинулась к мужу, сверкая глазами, не сулившими ничего хорошего.

В нависшей тишине только ходики не меняли своего тиканья, отчего надвигающаяся буря стала реальной и отчетливей.

Схватив мужа мощной рукой за шиворот, она вынесла его на крыльцо, как старого, кота, оставившего в тапочках хозяина свои сувениры, и, дав затрещину, отпустила на четыре стороны.

- В дом спать больше не заходи! Вон в будке у боровца Борьки твое место. – сказала она и захлопнула дверь.

Дядя Паша был обманут, раздавлен, уничтожен. На дворе, где куры располагались на ночлег на своем насесте, в укромном месте был запрятан «неприкосновенный запас» - поллитровка перегона. Но прежде чем им воспользоваться, дядя Паша подошел к колодезю, открыл грозного вида амбарный замок и, громохкая цепью, зачерпнул ведром воды. Студеная влага была по ноздрям своей первозданной свежестью.

- Ох, огольцы! Провели меня, старого! – не то с отчаяньем, не то с улыбкой заключил дядя Паша и пошел на двор к курам.

Говорят, что утром дородная Тамара Прокофьевна долго искала мужа, пока боров Борька не прибежал к корыту за своей пайкой. Из его будки раздалось сначала хрюканье, а затем кряхтение и отборная брань. Появившаяся из будки сонная голова мужа в соломе свидетельствовала, что конфликт пережит, разочарование ушло, а жизнь продолжается.

Отхлебнув по паре глотков из ведра, разудалая команда с гитарами в бархатных чехлах наперевес оставилась в раздумье, куда же теперь идти.

- Есть два пути! – начал Соляк, – Налево, к братской могиле, или направо к телятникам. Вроде как через телятники дорога к Минке короче. Зачем «Магелланам» могилы?

Слегка подуставшая компания, разморенная заходящим солнцем, свежим лесным воздухом и подогретая напитком творческих личностей – портвейном «Кавказ», хотела только одного – поскорее добраться до лагеря, поужинать и лечь спать.

- А далеко ли до Америки? Веди уже куда-нибудь, только побыстрее! – бросил патлатый Влад – новый вокалист с луженой глоткой, способный не только брать самые высокие ноты, но и петь, словно трехпрограммный радиотранслятор, круглые сутки.

- За мной, други! Америка за углом направо! – призывно и чуть пафосно изрек Игорек, и шагнул на тропинку вправо.

Кто бывал в деревне, тот знает, что телятник – это место, где содержат телят. За ними там ухаживают, кормят, моют, подращивают. А все, что нужно из телятника убрать, включая продукты их метаболизма, выносят за пределы и сбрасывают в ямы, овраги, отчего за телятниками обычно располагается маленькое озеро из нечистот.

Городской человек не всегда бывал в курсе происходящего в деревне, поэтому, когда тропинка повернула в сторону входа в телятник, а не к минской трассе, друзья смело сошли с тропы, и как истинные «магелланы», пошли напрямик, как подсказывали немного осоловевшие глаза, и куда несли натруженные, слегка заплетающиеся ноги.

Солнце окончательно скрылось за верхушками ве-

ковых елок у минского шоссе. Звезды еще не зажглись на небосводе. А фонари в чистом поле за телятником предусмотрены не были.

В лагере уже с утра готовились к приезду ансамбля. Ну как же! Живая музыка! Практически настоящие битлы с настоящими электрогитарами. А когда к обеду пришла машина с аппаратурой, и мальчиков первого отряда пригласили перенести все это богатство в клуб, то последние сомнения развеялись.

Как-то само собой девочки потянулись в банно-прачечный комбинат постирать блузки, погладить юбочки и платица. Да и ребята тоже проверили стрелки на брюках и пуговицы на рубашках.

- Юр, а Юр, а сегодня танцы будут? – пытали старшего вожатого наседавшие, как мошकारа, «чебурашки» младших отрядов.

- Юр, а Юр, а петь будут на русском языке или на иностранном? – не отставали октябрята.

Прямой, как линкор, старший вожатый в защитного цвета брюках и белой отутюженной рубашке с закатанными рукавами и алым галстуком на шее, осторожно передвигался по футбольному полю в сторону радиорубки. Очень важно было не наступить на мелюзгу, выскакивающую из под ног как куропатки, или не зацепить кого плечом.

- Работаем по отрядным планам. О любых незапланированных мероприятиях лагерь будет оповещен по радио! – и он поднялся по крутой лестнице в радиорубку и закрыл тяжелую металлическую дверь.

На окнах клуба висела малышня, стараясь разглядеть, что там такое творится, что это за шкафы такие тяжелые. Опять же интересно, что может храниться в зеленых армейских ящиках из-под снарядов.

На «тихий час» лагерь ушел в возбужденном со-

стоянии, понимая что приближается что-то такое, чего раньше не было.

Но прошел полдник, за ним ужин, а музыкантов все не было. Даже всегда непоколебимый старший вожатый Юра как-то подобрался и сидя на ступенях клуба нет-нет, да и засмолит сигаретку.

После вечерней линейки народ без оптимизма стал расползаться по корпусам, когда по лагерю пополз долгожданный слухок, что, мол, приехали! Что, мол, уже в клубе.

Пионерский народ разошелся по палатам, подготавливаемый вожатыми, а на «Бучилле» кто-то плескался и бултыхался, прыгая в воду с бортика.

- Это не моя голова! – подумал Игорек. Действительно, голова была тяжелая. Курчавые волосы рвались в стороны, доставляя нестерпимую боль. До рвоты хотелось пить. Но глаза при этом даже не думали открываться.

Тонкий слух музыканта уловил какие-то движения вокруг, словно кто-то недобро гремел железом и звенел гаечными ключами.

«Бум-бум-бум! Тр-р-р-рям ба-бам-плюмс!» - последний удар по латунной тарелке казалось развалит голову пополам!

- Разин! Уймись! Смерти моей хочешь? – воскликнул Соляк, становясь на четвереньки. Черные кудри вместе с головой оказались как раз внутри бочки – басового барабана, по которому круглая войлочная колотушка наяривала в такт подергивающейся педали. Очередной переход с рабочего барабана дробью рассыпался по том-томам, откуда обе барабанные палочки перекинулись на тарелки, оповестив победным гонгом, что день начался, и всех с добрым утром.

- А где народ? – осмотревшись вокруг себя, спросил

Соляк. На сцене в клубе стояли колонки, ящики с усилителями, микрофонные стойки, кабели, барабанная установка, а между всем этим добром лежали матрацы, простыни, одеяла.

- Влад купается в бассейне. Серега на ступеньках курит. Ждем, когда на завтрак позовут. Вечером концерт, – отрапортовал высокий парень со светло русыми длинными волосами, похожий на викинга, вставая из-за барабанов и крутя в левой руке барабанную палочку.

- Так, значит, вот она, Америка! Значит, доплыли, Магелланы! – приходя в вертикальное положение, воскликнул Игорек.

- Нам бы штаны не мешало попросить и рубашки какие-нибудь! А то из белья на нас только трусы – не комильфо в столовую в таком виде, - сказал викинг.

В это время в клуб забежал пионер старшего отряда.

- О, сосед! Здорово! – обрадовался Игорек, сделав несколько нетвердых движений в направлении вошедшего. С Женькой Мурашовым они были соседями. В старом двухэтажном доме у булочной на Лихачевке их квартиры были рядом. Хоть Женька и был моложе, но по-соседски иногда заходил послушать модную музыку, поиграть на гитаре.

- Женьк, а спроси у пацанов в отряде какие-нибудь треники и рубашки, что ли. А то мы вчера все вымокли, пришлось стираться. Вещи еще не высохли, - начал Соляк.

- Здорово! А где ж вы умудрились вымокнуть, дождя вроде не было? – и Женька Мурашов искренне удивился.

- А он за телятником Америку искал, вот мы все за ним и провалились. В лагерь заявили все, извините, в телячем навозе, включая бархатные чехлы для гитар. Хорошо хоть инструменты не намочили – над головой несли! – прокомментировал себе под нос викинг, при-

кручивая что-то к барабанной установке. Он тоже жил рядом в соседнем доме. Один двор, одна тусовка, как говорит современная молодежь!

- Так вот почему вы так поздно добрались! – воскликнул пионер.

- А мы уж тут целый день вас ждали! Ну, ладно, я в отряд. Пора на завтрак. Заодно что-нибудь из вещей достану, – и он быстро зашагал из клуба.

- Вовк! – повернул голову Соляк, - А вещи наши где? Их бы постирать после вчерашнего!

- Так мы их постирали! – Юра вчера, как нас увидел таких нарядных, так, не раздеваясь, заставил в бассейн нырять. Все сушится на заборе, только солнышко еще не разогрелось, вещи не высохли, – продолжая что-то крутить в барабанах, буркнул викинг.

- Кавказ, «Кавказ»! Сколько проблем ты несешь русскому человеку! – философски изрек Игорек, закатив глаза. – А завтрак скоро? Хорошо бы червячка заморить! На природе-то как есть хочется!

- Пионеры пошли уже. Нас пригласят сразу после них, – сказал барабанщик и бабахнул педалью в бочку.

«Бум-бум!» - глухо отозвался барабан. Тут же своими медными губами прошлепал хетт, и вот уже палочки полетели по рабочему барабану, по томам, рассыпая, словно горох по решетку, звуки разного тона, громкости и напора.

- Да уймись ты, наконец! – запричитал Соляк, - Настучишься еще! Голова раскалывается.

- Ну, хочешь, я тебе колыбельную на барабанах сыграю? – невозмутимо парировал викинг.

В клуб вошли Сергей и Влад, оба мокрые и улыбающиеся.

- Нет, нас в этой халабуде будут когда-нибудь кормить? – спросил Влад, стряхивая с патлатой шевелюры капли воды, - Или мы только «кавказской» кухней бу-

дем питаться? - Его южный характерный говор выдавал приезжего откуда-нибудь из Днепропетровска, а, точнее, с Ростова.

- Нет, правда, Соляк, а как мы в столовую пойдем? В плавках что ли? – присоединился к разговору Сергей, поправляя очки на носу.

В это время в клуб зашел Женька с приятелем. В руках они несли сухие вещи – тренировочные штаны, джинсы, майки, рубашки.

- Ого! Вот это сервис! – восхитился Влад, - Как в лучших домах ЛандОна и ПОрижа! Гран мерси, парни!

- Вот, у пацанов собрал! – сказал Женька, поправляя футболку с натрафареченным на груди ковбоем, держащим кольт, и индейцем племени сиу в головном уборе вождя во всю спину.

- Модная маечка, - заметил Влад, - Привозная?

- Да нет, - стушевался Женька, - художник сделал, - Вас на завтрак ждут. Идите быстрее, пока не остыло!

- Да-да, надо торопиться! – примеряя вещички, захопотал Игорек, - Война войной, а харч по расписанию! Да, кстати, Влад, ты поосторожней с «халабудой»! Здесь народ дружелюбный, но резкий, могут и обидеться. А обиды прощать не принято. Думай потом, за что тебя взорвали или утопили!

Вставив голые ноги в еще мокрые кроссовки, Соляк двинулся к выходу. Остальные, разодетые в пионерские одежды, двинулись следом.

Лагерь жил по утвержденному плану. Чебурашки собрались и ушли в лес. Третий и четвертый отряд проводили спартакиаду, устраивая забеги по центральной аллее, метание мячей на футбольном поле и прыжки в длину у киноконцертного зала «Лесная тишина». Старшие отряды готовились к «Зарнице» - изучали меры первой помощи при переломах, на-

ложение шины, остановку кровотечений и другие секреты спасения человеческой жизни. Зевая на веранде, они слушали врача, который выбрав себе манекен из числа слушателей, методично делал из него мумию, прикручивая к дощечкам и решеточкам руки и ноги поочередно. И хотя все были заняты, то и дело кто-нибудь бросал взгляд в сторону бассейна, где, привязав веревку, музыканты катались на листе фанеры. Трое впрягались, словно рысаки, и бежали по берегу, выводя его на глиссирование по глади бассейна. А счастливчик, держась за короткую уздечку, старался устоять на прыгающем по волнам строптивом транспортном средстве.

Утомившись, они удалились в клуб, откуда стали раздаваться электрические звуки. Бубнила басовая гитара, цокал хет, заливалась, давясь сусейном, лидер-гитара. Кто-то пробовал микрофон, разгоняясь с низких нот до заоблачного фальцета.

Эдакий музыкальный разнобойчик внезапно кончился, и на четыре счета барабанщика понеслась удалая мелодия Джона Фогерти и его бравых парней из Сан-Франциско «Lookin' Out My Back Door».

Это сейчас мы говорим: «О, это Криденс!» А тогда мы в изумлении спрашивали: «Это кто?» И кто-нибудь из продвинутых вожатых снисходительно пояснял: «Это «Вера оживления чистой воды» - американская рок-группа 1967 года, играющая блюз и кантри-рок, сокращенно «Криденс»!»

И уже хотелось забросить эти деревянные и металлические шины, бинты, полотняные носилки и бежать в клуб, что бы послушать настоящий рок, а не Виктора Вуячича с его «Комсомольской юностью» или Кобзона с нетленным хитом «За того парня». Их мы слушали каждый день, а вот «Криденс клие вотер ривайвл» по нашим радиостанциям не гоняли.

С трудом дотерпев до ужина лагерь, разнаряженный в пух и прах, собрался в клуб. Официально мероприятие проходило под условным названием «Танцы». Однако собрались все – пионеры, октябрята, вожатые, хоздвор. Даже сторож с собачкой мельтешил неподалеку у забора.

Деревянные кресла с откидывающимися сиденьями для просмотра кинофильмов были собраны в конце зала, поставлены друг на друга до самого потолка, так что пространства для танцев было достаточно.

Сцена была закрыта толстыми шторами. Перед ней, ниже уровня сцены, стоял пульт, перемигиваясь разноцветными огоньками, за которым колдовал парень с белой шевелюрой, так похожий на викинга.

Слева и справа от сцены в арочных проходах стояли акустические колонки – здоровенные шкафы с затянутым тонкой черной тканью фасадом. Колонки утробно гудели, создавая электрический фон, готовые в любой момент взорваться и выбросить в зал шквал музыкальных произведений, словно морской прибой, закручивая волну, готовится сбить входящих в воду купальщиков.

Свет в зале погасили. Белобрысый парень убежал за кулисы. Шторы раздвинули и....

Эту мелодию я помню всю жизнь. Пусть и «Криденс» давно развалился, и Джон Фогерти, выступив в 2011 г. в Москве и Казани, потерял былой напор и обаяние. Но «Lookin' Out My Back Door» звучит в моих ушах с того самого вечера в пионерском лагере «Звездочка».

И не надо думать, что на Западе, мол, есть гении, а у нас их нет. В тот вечер у микрофона стоял не кто –нибудь, а Владислав Андрианов, тот самый Влад, солист ансамбля «Лейся песня», который впоследствии стал известен благодаря шлягеру «Прощай, со всех вокзалов

поезда...». Давид Тухманов заглавную песню в диске «По волне моей памяти» также доверил исполнить Владу.

Конечно, ни что не может сравниться с пенями «Битлз», которых в тот вечер было исполнено немало. Нет смысла их перечислять, поскольку они стали не радийными фонограммами, а музыкой души нашего поколения.

Ни кто не обращал внимания на босых музыкантов в джинсах с почти голым торсом, на матрацы, выглядывающие из-за барабанов, на звякнувшую где-то в глубине сцены посуду в сумке, когда ее случайно толкнули. Музыка захватила все и всех!

Какие там танцы! Зал слушал, раскрыв рты! Мелодии сменяли друг друга, а оцепененье зала не проходило, словно что-то заклинило в известной детской игре «замри». Не привыкший к иностранной речи слух советских людей и их детей по началу с трудом воспринимал непонятные слова. Но как-то само собой, музыка захватила зал, и все стало понятно, легко и просто! Это было необычно. Это было ново. Это было талантливо!

Зато с танцами все сложилось на следующее утро, когда после завтрака аппаратуру вытащили на танцплощадку, и концерт повторили заново.

Танцевали все – и пионеры, и работники хоздвора, что уж говорить про чебурашек, висевших гроздьями на руках и ногах танцующих.

Даже вечно недовольный физрук Володя, наметивший целый ряд спортивных мероприятий на воскресный день, стоял среди вожатых и тихонько бурчал: «П-пусть танцуют! Т-танцы активные, физически разви-ви-вающие!»

А после обеда музыканты уехали. Девчонки старших отрядов, набравшие им полевых цветов, едва успели передать свои букеты в окошко зеленой «буханки».

Санитарка добросила их до станции Дорохово, а зеленая электричка унесла в Москву.

В лагерь еще не раз приезжали ансамбли, в том числе второй состав тех же «Магелланов», но вот Влада мы больше не видели, хотя ансамбль «Лейся песня», где Влад работал солистом, репетировал во дворце культуры Фабрики им. Петра Алексеева, нашей родной Пятрашке, что в двух автобусных остановках от НИИ ТП.

Как всегда жизнь в первую очередь забирает лучших. Влад трагически погиб в 57 лет в 2009 году. А остальных членов коллектива разбросала по разным краям. Кто надел форменную фуражку охранника, кто создал фирму по ремонту видеоаппаратуры, но все это в другой жизни!

А мы знали и видели наших парней из двора, из нашей школы, из нашего лагеря, принесших нам песни «Битлз», «Криденс», «Кристи», красивых и талантливых, впрочем, других в «Звездочке» и не было.

Да и вопрос: «А далеко ли до Америки?» - по моему глубокому убеждению, потерял свою актуальность. И хотя некоторые бывшие пионеры п/л «Звездочка» давно и основательно обосновались в этой самой Америке, джинсы “Wrangler” и “Lee” носим на даче, лучше, чем тот концерт в сарае с гордым названием киноконцертный зал «Лесная тишина», я в своей жизни не припомню. Были в моей жизни концерты рок-групп “Pink Floyd”, “Deep Purple” и рангом пониже, но тот концерт, как первая любовь, как первый поцелуй, как привет из юности, ни что не может превзойти.